

© 2003 г. В. А. ЛУКИН

ПРОТИВОРЕЧИЕ И СОГЛАСИЕ: ЯЗЫКОВЫЕ КОНЦЕПТЫ, ДИСКУРСНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТЕКСТОВЫЕ СВОЙСТВА

Категория противоречия, противоречивость и непротиворечивость теории, а также ее когерентность – это проблемы первого плана в логике и философии науки. Однако в центре нашего внимания будет не научная теория, а естественный язык, который, по словам Г. Гийома, "сам является теорией": "Было бы правильнее сказать, несмотря на некоторую, может быть, странность формулировки, что именно за счет самого теоретизирования, путем какого-то природного теоретизирования мысль обеспечила себя языком" [Гийом 1992: 46]. То, что можно узнать о противоречии и согласии из языка-теории, его бытования в дискурсе и реализации в тексте, не должно напрямую зависеть от знаний из области логики и философии. По мере возможностей целесообразно следовать языку-теории, сообразуясь с языком-материалом. И, поскольку "теория, которую мысль создала из самой себя, отражается только косвенно в речи, она записана в самой глубине мысли, в языке" [Там же: 46], начнем с языковых концептов ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ. Точнее говоря, со слов *противоречие* и *согласие* ("слово – наиболее частотная единица естественной лингвистики" [Арутюнова 2000а: 18]).

Языковые концепты ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ понимаются как инварианты значений слов, объединенных в соответствующее семантическое поле [Лукин 1996]. В основе определений лежат, в частности, следующие наблюдения.

Слова со значением согласия могут обозначать результат речевого общения, но не сам процесс коммуникации. Отсюда тот факт, что большинство глаголов со значением согласия в русском языке обладают предельной грамматической семантикой и образуют видовые пары (*договориться* – *договариваться*, *разделить* – *разделять*, *сговориться* – *сговариваться*...), в то же время глаголы со значением противоречия, обозначая процесс, а не результат речевого общения, в большинстве своем являются абсолютно непарными глаголами несов. вида (*дискутировать*, *конфликтовать*, *перечить*, *полемизировать*, *прекословить*, *препираться*, *пререкаться*, *противоречить*, *противостоять*, *разноречить*). Если же глаголы противоречия образуют видовые пары (*возразить* – *возражать*, *противопоставить* – *противопоставлять*, *разладить* – *разлаживать*...), их семантике свойственна своего рода ослабленная результативность: существительные, образованные от данных глаголов (*возражение*, *противопоставление*, *разлад*), не обозначают ни цели, ни результата действия, обозначенного, в свою очередь, глаголом. Далее, существительные согласия со смыслом 'результат общения как реализация совместной цели его участников' *договор*, *сговор*, *соглашение*, *уговор* не могут иметь антонимов, соответственно, к существительным *дискуссия*, *диспут*, *полемика*, *препирательство*, *спор*, обозначающим тип речевого общения, который организован как противоречие, противостояние его участников, нет антонимов со значением согласия... (см. дополнительно [Лукин 1996]).

Концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ – исторически сложившаяся, общая и устойчивая часть семантики слов русского языка со значением противоречия – истолковывает-

ся следующим образом: это диалог двух абстрактных собеседников (семантических актантов), объединяющий их в известное целое (вплоть до тождества), в ходе которого они обмениваются "репликами", вступающими в отношения от несоответствия до противоположности. Концепт СОГЛАСИЯ – "антоним" противоречия, их общий гипероним – РЕЧЬ (не лексема, а концепт). Свойства концептов, вбирающие в себя лексическую и грамматическую семантику слов семантического поля, таковы: концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ обнаруживает способность быть своего рода моделью для организации некоторых типов речевого общения, обладает процессуальной семантикой, при этом как процесс всегда нерезультативен и нетелеологичен...; концепт СОГЛАСИЯ обладает непроецессуальной семантикой результативности, поэтому соотносится не с процессом речевого общения, а с его итогом...

Отсюда цель настоящей работы: поскольку слова со значениями противоречия и согласия имеют своими денотатами различные аспекты речевого общения, являясь тем самым "словами о коммуникации", а концепты соотносятся с типами текстов (дискуссия, диспут, полемика, спор; договор, соглашение, уговор; парадокс, прения, протест...) и дискурсных стратегий (сговор, сговорчивость, соглашательство; спор, прекословие, препирательство, полемизировать...), постольку правомерно, (1) дополнив сведения о семантике ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ, (2) на примере конкретного дискурса проследить реализацию этой семантики и (3) определить сопряженность ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ со свойствами цельности и связности художественного текста.

1

АСИММЕТРИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ, СОЧЕТАЕМОСТИ И АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОГЛАСИЯ

Прозрачность внутренней формы *противоречия* и *согласия* обуславливает целесообразность сопоставления семантики их морфем.

Приставка *с-/со-* и соответствующий предлог семантически проще приставки и предлога *против*. Если *с* имеет общую семантику 'контакт', то значение *против* включает смысл 'контакт' наряду со смыслом 'агрессия'. Смыслы 'контакт' и 'агрессия' находятся в отношении однонаправленной обусловленности: если 'агрессия', то 'контакт'. В самом деле, нельзя бороться, возражать, высказываться, выступать, сражаться *против* кого-, чего-либо, не вступая в соприкосновение (физическое, коммуникативное, когнитивное) с "собеседником". Различие между *против* и *с* нейтрализуется в контекстах, где присутствуют слова со смыслом 'агрессия', дублирующим тот же смысл в значении *против*. Например, синонимичны *бороться против врагов* и *бороться с врагами*, *война с печенегами* и *война против печенегов*, где *бороться* и *война* помимо смысла 'агрессия' имеют валентность *против кого-, чего-л.* Когда в силу сочетаемостных ограничений употребление *против* невозможно, связка 'если агрессия, то контакт' выражается раздельно: 'агрессия' – знаменательным словом, 'контакт' – предлогом *с* (*ссора с соседом, конфликт с начальником, скандал с женой*). В любом случае *с* не содержит смысл 'агрессия', *против* всегда содержит смысл 'контакт' при вариативности смысла 'агрессия'. Так, в контекстах с различной семантикой – *лекарство против болезни, мероприятия против обледенения, плыть против течения, смотреть против солнца...* – смысл 'агрессия' ослаблен до 'противодействия', 'сопротивления'. Только пространственное значение хотя и возможно, но не характерно для предлога *против* (ср. *напротив*), оно почти всегда осложнено и в таком своем качестве более разнообразно и динамично, чем пространственное значение предлога *с*. Пространственные ассоциации (словареакции с пространственным значением), вызываемые словом-стимулом *с* у носителей русского языка, однообразны, и всем им присущ смысл 'контакт': *вместе, в, к, по, тебе с ним* (однако наряду с ними – *без и до*) [РАС I 1994: 145]. Ассоциативные

связи слова-стимула *против* создают объемный пространственный образ: *течения, движения, поворот головы, поднятия цен, поперек, центр* [РАС III 1996: 142–143]. Одновременно с не вызывает ассоциаций с "агрессивной" семантикой в отличие от *против*, среди слов-реакций которого *агрессия, война, драться, ссора* [Там же].

Речь и однокоренные слова со значением противоречия отличаются большей абстрактностью и сложностью семантики от лексемы *голос* и однокоренных слов со значением согласия (см. [Лукин 1996: 145–146]; подтверждение этой точки зрения в историческом аспекте см. в [Макеева 2000: 104, 108, 120]). Любопытно в связи с этим различие "ассоциативно-пространственных" образов *речи* и *голоса*. В целом *речь* ассоциируется с пространством, подвижным и организованным по горизонтали: *прямая, длинная, течь, долгая, льется, река, короткая, лилась, словно речка течет* (но там же – *внутренняя, объемная*) [РАС I 1994: 142]; *голос* ассоциируется с пространством, относительно статичным и организованным по вертикали: *высокий, с небес, низкий, с неба, сверху, свыше, глубокий, высокий, из глубины, из-под небес, не повышая* (однако *внутренний, извне*) [Там же: 37].

Несимметричность слов *противоречие* и *согласие* проявляется в различной сочетаемости. *Противоречие* и слова со значением противоречия хорошо сочетаются со словами пространственной семантики. *Противоречие* может быть *внутренним, внешним, глубоким*; его *обнаруживают, выявляют, вскрывают, сглаживают*; в *противоречия впадают, вступают, в клубке противоречий запутываются* (ср. узел противоречий). *Согласие* и слова со значением согласия плохо сочетаются с подобной лексикой.

В Русском ассоциативном словаре наблюдается аналогичная картина. Слова-реакции пространственной семантики к стимулам со значением противоречия многочисленнее и разнообразнее, чем к стимулам со значением согласия. Правда, из всего семантического поля в названном словаре присутствуют только *диспут, нет, против, спор и спорить*, а также *да, договор, согласие, согласиться, договориться, за*. Из них для слов со значением противоречия показательны *диспут* и *спор*, слова-стимулы, имеющие своими денотатами и тип текста, и соответствующую дискурсную стратегию. *Диспут* вызывает реакции с семантикой расширения пространства и изменения его границ: *пре-рван, про-должили, про-шел, раз-вели, раз-вернулся, раз-водить, рас-тянулся, рас-ширенный* [РАС III 1996: 52–53]; *спор* – *за-тянувшийся, за-шел, от-крытый, про-должительный* [РАС I 1994: 160]. Обращает на себя внимание обилие среди реакций слов "агрессивной" семантики: *спор* – *драка, яростный, ссора, злость, ругаться, жестокий, ругань, брань, жестокость, насмерть, удар, ярый; диспут* – *драка, брань, ругань; против* – *агрессия, война, ругаться, ссора*. Факторы агрессии и пространства связаны: агрессия требует все больших пространств, в том числе коммуникативных, и стремится к расширению имеющихся.

Слова-реакции к стимулам со значением согласия немногочисленны и не дают оснований для надежных обобщений. В качестве предположения отметим, что в целом согласие представлено образом относительно закрытого и компактного пространства, ориентированного вовнутрь: *да* – *здесь, в наше время* [РАС III 1996: 149]; *договор* – *в бизнесе, двусторонний, между нами* [Там же: 53]; *согласие* – *в доме, в, заключено, к, с, с обеих сторон* [Там же: 165]; *согласиться* – *с мнением, с ним, со всем, с решением, в доме, на, с* (но *уклоняться, упасть*) [Там же: 165]; *договориться* – *с, обоюдно, прийти* (присутствуют два слова со значением агрессии – *ругаться* и *убить*) [РАС I 1994: 46]; *за* – *за, перед, под* [Там же: 54].

Максимум признака 'противоречие' vs. 'согласие'

Асимметричность обсуждаемых концептов становится предельной при рассмотрении максимума признака 'противоречие' vs. 'согласие'. Попытаемся гипотетически представить содержание концептов с предельным "количеством" основного при-

знака, установив затем, что может в языке и тексте соответствовать 'максимуму противоречия' и 'максимуму согласия'.

ПРОТИВОРЕЧИЕ и СОГЛАСИЕ имеют общую часть содержания, которую можно назвать тематическим единством. Грубо говоря, и чтобы противоречить, и чтобы соглашаться, участники диалога должны принимать то основание (тему), по которой они высказывают либо противоположные, либо сходные мнения. Тематическое единство – это а) тривиальное содержание, которое в равной мере приемлется сторонами коммуникации и б) не является причиной для вступления в коммуникацию.

В словах со значением противоречия или согласия тематическое единство может соответствовать одной из валентностей: *дискуссия, диспут, полемика, спор, прения vs. договор, договоренность, договориться, соглашение о чем; возражать, противоречить, прекословить, перечить vs. сговор, согласие, сойтись по поводу чего* и т.п.

В репликах спорящих сторон тематическое единство чаще всего соответствует теме высказывания:

– Потом грамотный мужик, работник тебе же нужнее и дороже.

– Нет, у кого хочешь спроси, – решительно отвечал Константин Левин, – грамотный как работник гораздо хуже (*Л.Н. Толстой. "Анна Каренина"*).

Здесь тематическое единство в обоюдном принятии информации, обозначенной словосочетанием *грамотный работник*. Тематическое единство может как совпадать, так и не совпадать с темой высказывания, изменяя свой объем по ходу диалога. Ср.:

– Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможен и брак, – сказала дама.

– Да-с, но что разумеет под любовью истинной? <...>

– Всякий знает, что такое любовь, – сказала дама, очевидно желая прекратить с ним разговор.

– А я не знаю, – сказал господин. – Надо определить, что вы разумеете...

– Как? очень просто, – сказала дама, но задумалась. – Любовь? Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными, – сказала она.

– Предпочтение на сколько времени? <...>

– Нет, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

– Нет-с, я про то самое (*Л.Н. Толстой. "Крейцерова соната"*).

Если тематическое единство отсутствует или утрачено, коммуникация, предполагающая обмен информацией, невозможна. Тогда речь должна идти не о противоречии, а скорее о несообразности, недоразумении, недопонимании, об осознанном стремлении к подрыву коммуникации или о подмене тезиса как приеме из арсенала эристики.

1. Максимум признака 'противоречие' – ситуация, при которой в рамках тематического единства имеют место интенсивные отношения крайней противоположности между участниками речевого общения. Такое содержание выражается лексически, осложняясь нередко смыслами 'агрессия' и 'возможность, опасность невербального противостояния'. Здесь любопытны примеры из древнерусского и старославянского, где *возразити* – означало 'возразить' и 'отразить, ударить, напасть'; *противление* – 'возражение', 'противоречие' и 'восстание, мятеж'; *противлятися* – 'возражать' и 'поднимать мятеж, смуту', *пърѣние* – 'спор, возражение' и 'тяжба'; *прѣкословие* – 'противоречие' и 'распря'; *спор* – 'схватка, драка'.

В разное время в разных контекстах слово может либо приобретать, либо утрачивать семантику максимума 'противоречия'. Ср. *возразити* в древнерусском языке и современном русском, где значение 'отразить, ударить, напасть' утрачено; любопытен в этом плане пример из "Дворянского гнезда" И.С. Тургенева: "– Вы желали меня видеть, – сказал он холодно кланясь. – Да, – возразила Марья Дмитриевна и отпила немного воды".

ii. Максимум признака 'противоречие' можно понимать, кроме того, как ситуацию, в которой участники речевого общения вступают в отношения противоположности по любой теме, то есть всякое тематическое единство является стимулом для противоречия. Назовем такое содержание **тотальным противоречием**. Лексически оно не выражается, за исключением ФЕ *дух противоречия*. Тотальное противоречие чаще бывает принципом, по которому строится дискурс (см., например, дискурс главного героя рассказа В.М. Шукшина "Срезал").

Семантика максимума 'противоречия' при любом его понимании не приводит к выходу за границы своего семантического поля: сколь бы интенсивным ни был диалог противоположных сторон, как бы ни было велико множество поводов (тем) для противоречия, оно всегда остается противоречием – отвечает определению концепта ПРОТИВОРЕЧИЕ (см. выше).

Отступление. Разумеется, антагонистические противоречия неречевого характера могут быть препятствием для общения, приводить либо к срыву речевой коммуникации или ее неадекватности, либо к конфликту, протекающему невербально. Наше допущение лежит в ином плане: эффективная коммуникация, сопровождаемая интенсивным обменом информацией, всегда предполагает наличие противоречий; всякий обмен информацией вызван тем или иным видом ПРОТИВОРЕЧИЯ (от *несогласованности, несогласия и разногласия до противоречия, спора и перепалки*); фатическая коммуникация не предполагает противоречий, но и не позволяет говорить о согласии в коммуникативном смысле. Рассматривая противоречия, мы в дальнейшем опираемся на определения концепта ПРОТИВОРЕЧИЕ, поэтому не всегда разграничиваем противоречия на уровне содержания (семантика) и на уровне взаимоотношений партнеров по коммуникации (прагматика) (о целесообразности их различения см. [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 79–80]).

Что касается агрессии, то как и противоречие, она также может быть препятствием для общения. Все определяется мерой и видом агрессии и, кроме того, тем, что понимают под этим термином. И в этом случае кажется целесообразным, обойдя лингвистические аспекты проблемы (см. об отрицательных и положительных сторонах агрессии в [Лоренц 1994; Берковиц 2001]), полагать, что интенсивный обмен информацией всегда означает наличие известной степени агрессии у собеседников.

ii. Максимум признака 'согласие' – ситуация абсолютного тождества позиций участников речевого общения в рамках данного тематического единства. Такая семантика не свойственна процессу речевого общения, поскольку не предполагает обмена информацией, но может характеризовать итог речевого общения как достижение полного согласия. Выражается лексически: *единство, единение, единогласие, единодушие, солидарность, спеться* и т.п.

iii. По аналогии с противоречием определим **тотальное согласие** как отсутствие каких бы то ни было противоречий между участниками речевого общения при любом тематическом единстве. Данная формулировка является самопротиворечивой. Во-первых, нельзя говорить о коммуникации, если нет вообще никаких противоречий, во-вторых, отсутствие каких бы то ни было противоречий при абсолютном любом тематическом единстве означает, что согласию как результату коммуникации не предшествовала никакая коммуникация. Проще говоря, когда все со всем согласны, нет нужды договариваться о чем бы то ни было¹. С одной стороны, следовательно, тематическое единство оказывается предельно расширенным, но, с другой, оно уже не существует, так как может быть определено только относительно актуальной информации – того в той или иной степени неопределенного, неясного,

¹ Ср.: "Я ведь и сама сержусь всегда, когда не соглашаются со мной! Но зачем вам нужно, чтоб я согласилась с вами? И мне тоже... Зачем вообще все люди всегда спорят и хотят, чтоб с ними согласились? Ведь тогда говорить нельзя будет ни о чем". (А.М. Горький. "Варенька Олесова").

противоречивого .., что требует для своего прояснения и устранения коммуникации. Стирая различия между тривиальной и актуальной информацией, тотальное согласие предопределяет ненужность коммуникации, а потому ее невозможность. Иными словами, тотальное согласие, как оно было определено, – это искусственный знак молчания, коммуникативно-семиотический нуль. Искусственность в том, что лексически тотальное согласие не выражается² Однако искусственна лишь формулировка итога вполне естественного процесса – сближения слов и выражений со значением максимума 'согласия' с семантическим полем и концептом МОЛЧАНИЯ. В этом еще раз проявляется асимметрия ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ: максимум признака 'согласие' и прежде всего тотальное согласие приводят к трансформации концепта СОГЛАСИЕ в концепт МОЛЧАНИЯ

Противоречие, согласие и молчание

Слова и выражения с максимумом 'противоречия' предполагают в прямом и/или метафорическом употреблении максимум 'голоса' ср *кричащие противоречия*, *вопиющие противоречия*, спор, диспут, перепалка зачастую проходят на повышенных тонах, спор, конфликт, противостояние, протест, когда они имеют место одновременно в вербальных и невербальных формах, сопровождаются расширением коммуникативного пространства и физической активностью сторон (происходит интенсивный обмен не только информацией, но и энергией), в частности, усилением голоса и шума

И, наоборот, слова с максимумом 'согласия' предполагают малые изолированные пространства при доверительности (*спеться, уговор*), минимуме огласки (*сговор, сговориться*), немногословии (*сговорчивый*), полное согласие ассоциируется с *молчаливым*, наличие абсолютного единодушия и единомыслия не предполагают интенсивной коммуникации, слова "не-противоречия" со смыслом 'покорность' *безгласный, безропотный, бессловесный* передают отсутствие голоса и речи своей внутренней формой. Уверенность говорящего в необходимости согласия или невозможности каких бы то ни было возражений со стороны собеседника могут выражаться посредством отрицания речи, говорения: *нет слов, говорить не о чем, нечего и говорить*, ср. *И! помилуйте, как это можно! есть ли о чем говорить! сделайте милость, не беспокойтесь* (В. Ф. Одоевский)³. Что равносильно призыву к молчанию, принуждению к непротиворечию и непротивлению *Да, да, уж это так, не говори, смейся, а молчи! – прибавила она, заметив, что он хочет возразить* (И. А. Гончаров). Таким образом, семантика максимума 'согласия' влечет за собой ослабление коммуникации и смещается в сторону концепта МОЛЧАНИЯ

Молчание в коммуникативном смысле, в качестве ответной реплики диалога, приобретает функции означаемого. Поскольку коммуникация предполагает противоречия, означающим "диалогического молчания" чаще бывает не 'согласие', а 'противоречие' или 'несогласие'. "Как правило, молчание скрывает за собой тот или иной вид оппозиции" [Арутюнова 2000б: 426]. Использование говорящим формулы *Молчание – знак согласия* не влечет за собой согласия собеседника, но может означать либо напоминание адресату, что возражения следует эксплицировать" [Там же], и тогда диалог может быть продолжен, либо желание адресанта взять на

² *Соглашательство* – наиболее вероятный кандидат на выражение семантики тотального согласия – отвергается по той причине, что предполагает готовность носителя коммуникативной стратегии "соглашательство" не замечать, игнорировать любые и м е ю щ и е с я или возможные противоречия

³ Те же конструкции используются для "симуляции согласия" *Что и говорить! – огрызнулась она, – и мое житье не худое! В затрапезах не хожу, и то слава те господи!* (М.Е. Салтыков-Щедрин)

себя коммуникативное лидерство, истолковав в свою пользу молчание собеседника, и прекратить диалог.

Когда согласие – причина молчания, тогда молчание может расцениваться как знак согласия. В этом случае согласию предшествуют противоречия, которые обсуждаются сторонами диалога и так или иначе разрешаются ими. То, что собеседники обоюдным молчанием сигнализируют о согласии вследствие исчерпанности противоречий, отмечается наблюдателем; по преимуществу с этой позиции Молчание – знак согласия получает буквальную интерпретацию. *Долго ночью слышали люди горячий спор до крика, почти до визга, по временам смех, скаканье его, потом поцелуи, гневный крик барыни, веселый ответ его – и потом гробовое молчание, признак совершенной гармонии* (И. А. Гончаров "Обрыв"). То же – в эссе "Молчание" М. Антониони.

Сначала диалог. Короткий. Из него становится очевидным полный крах отношений, который оба скрывали годами.

Привычное смирение, привычная боль. Но теперь, когда чисто случайно они затронули то, что накопилось в душе, женщина хочет разобраться во всем до конца.

– Согласись, что пора поставить точку. Тогда все прояснится, и мы будем знать, что делать дальше. Главное – знать, чего мы хотим. Разве не так? Ну скажи, разве не так?

Мужчина молча кивает. Замыкается она. Теперь, когда все ясно, теперь, когда они искренни, им больше нечего сказать друг другу. (Иностранная литература. 1985. № 7)

Коммуникативное молчание содержит внутреннее отрицание, под отрицанием – смысл 'голос'. Не попадает под отрицание презумпция 'иметь возможность говорить' [Арутюнова 2000б: 418]. При этом коммуникативное молчание, выражающее протест, под влиянием противоречия (= область-источник максимум признака 'противоречие' → максимум 'голоса', 'шума') может быть осмыслено метафорически как *громогласное, гулкое, оглушительное*.

Некоммуникативное молчание (см. его анализ безотносительно к ПРОТИВОРЕЧИЮ vs СОГЛАСИЮ в указанной выше статье Н. Д. Арутюновой) предполагает не предшествующие ему противоречия, а наделение субъекта молчания свойством знаковости, свойством "быть текстом", как будто дающими получателю-интерпретатору надежду на истолкование знаков, выяснение их смысла.

Таково отрицание немоты природы (субъект молчания) и утверждение возможности ее "прочтения" у Ф. И. Тютчева. *Не то, что мните вы, природа: < > В ней есть любовь, в ней есть язык* (1836). И следующая затем констатация безуспешности герменевтических усилий того, кто наделяет природу знаковым характером, стремясь прочесть ее как текст: *Природа – сфинкс. И тем она верней. Своим искусом губит человека, Что, может статься, никакой от века Загадки нет и не было у ней* (1869).

Молчание в некоммуникативном смысле как правило не актуализирует семантическую валентность *о чем*, поэтому возможно ослабление семиотического характера молчания и, как следствие, сближение с 'тишиной'. *Лишь сон на смертных налетает, Амур в молчании ночном. Фонарь любовнику вручает* (А. С. Пушкин), *В душном воздухе молчанье, Как предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье, Звонче голос стрекозы* (Ф. И. Тютчев). При этом молчание противопоставляется не 'речи', а 'шуму'. *Все молчит, Лишь море темное шумит* (А. С. Пушкин), *Затих повсюду шум и гам, и воцарилось молчанье* (Ф. И. Тютчев). И, наоборот, тишина может сближаться с 'молчанием'. *Оплачьте, милые, мой жребий в тишине. Страшитесь возбудить слезами подозренье* (А. С. Пушкин).

Молчание, как известно, ассоциируется со смертью – вечным молчанием (иногда и в коммуникативном смысле). *А когда они были очень уж дружны, то молчали как убитые, пока тот или другой не прервет молчания каким-нибудь замечанием, вызывающим непременно противоречие с другой стороны* (И. А. Гончаров). Близость

концептов МОЛЧАНИЯ и СМЕРТИ вне соотнесения с СОГЛАСИЕМ рассматривается в статье Л Г Невской 'Молчание как атрибут смерти' [Невская 1999. 123–134] В свете данных семиотики славянской культуры МОЛЧАНИЕ – центральный концепт, характеризующий сферу смерти, в ряду других БЕЗМОЛВИЕ, НЕМОТА, НЕВНЯТНАЯ РЕЧЬ, ТИШИНА, ТАЙНА, БЕЗЫМЯННОСТЬ, СЛЕПОТА, ГЛУХОТА, КРИВИЗНА, ХРОМОТА, ИСТОЩЕНИЕ, ДЕСТРУКЦИЯ, ХАОС Комплекс БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ТАЙНА объединяется сквозным признаком 'исчерпанность, уменьшение, исчезновение' (см подробнее в указанной работе).

Если вернуться к тотальному согласию, которое всегда некоммуникативно, то оно обязательно предполагает молчание – прекращение существования коммуникации и, следовательно, говорящего и слушающего как актантов коммуникативной ситуации Когда участники речевого общения по той или иной причине полностью исчерпываются своими коммуникативными ролями, тотальное согласие означает их абсолютное несуществование, то есть смерть Ср

Вы спросите, может быть, меня, что же будет, когда эта столько лет разрозненная антиномия – человек и внешняя природа – сольется наконец в один величественный синтез? Отвечаю тогда прекращается прогресс человека, тогда наступает период его успокоения, и так как жизнь обуславливается движением и исключает идею инерции – наступает период смерти (М Е Салтыков-Щедрин Противоречия)

Логично было бы ожидать, что "смертельный" исход тотального согласия должен обнаруживать связь со всеми соответствующими концептами И само тотальное согласие, и его закономерно ожидаемые связи – реальность, но не языковая, а текстовая Это реальность возможного мира, создаваемого в художественном тексте

2

ТОТАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК СМЕРТЬ ВЕРБАЛЬНОГО ГЕРОЯ

Полное и последовательное воплощение тотального согласия мы находим в дискурсе Порфирия Владимировича (Иудушки) из романа М Е Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы"⁴

Существенно, что речь пойдет о дискурсе, "погруженном" в текст Здесь важен тип текста – художественный, поскольку он является той средой для дискурса, которая *ad hoc* формирует специфику категориальных свойств последнего Отвлекаясь от ставшего традиционным обсуждения многозначности термина "дискурс", примем в рабочем порядке, что для дискурса первостепенны внешние и внутренние условия его создания и функционирования Внешние, экстралингвистические – экономические, политические, религиозные и т п , соответствуют элементам плана содержания текста, то есть точки соприкосновения дискурса с внешней для него реальностью заключены в возможный мир художественного текста Внутренние, всегда связанные с внешними, – идеология автора дискурса, его мировоззрение в целом, предрассудки, интенции , могут быть эксплицированы настолько, насколько это позволяет сделать план содержания текста, включающего дискурс

Особенность дискурса Иудушки в том, что его предопределенность суммой внутренних и внешних факторов "среды" не просто изображается в тексте, но еще и комментируется повествователем Всеведущий, оценивающий и исполняющий роль интерпретатора, повествователь в своем дискурсе истолковывает условия и обстоятельства становления и эволюции дискурса главного героя На этом основании

⁴ Далее текст романа цитируется по изданию М Е Салтыков-Щедрин Собрание сочинений в 20 тт Т 13 М , 1972, указываются только страницы данного тома

допустимо расценивать комментарии повествователя в качестве метадискурса, в котором создается дискурсный портрет Иудушки – автора дискурса-объекта. Портрет этот таков, что из него следует: Иудушка – герой по преимуществу вербальный, он говорун, словоблуд, демагог и пустослов, он лицемерит и, лицемеря, поучает, празднословит, спорит, срамословит, лжет, тиранит словом, на протяжении всего повествования Порфирий Владимирович практически не совершает никаких иных поступков, кроме вербальных. В тексте романа нет описаний того, как он женится, служит, продает, покупает, куда-либо едет, над чем-либо работает, что-либо зарабатывает или тратит. Логично предполагать совершение им реальных поступков, но о них можно судить лишь как о следствиях из описаний и воспроизведений его речевых действий и его дискурсного портрета.

Его страшила – мысль [констатирует в своем метадискурсе повествователь – В.Л.] о необходимости личного вмешательства в обстановку жизни. С ужасом представлял он себе, что может наступить минута, когда ему самому придется распоряжаться, приказывать, надсматривать. В предвидении этой минуты он старался подавить в себе всякий протест, закрывал глаза на наступавшее в доме безначалие, стушевывался, молчал (с 583–584)⁵

Если же Иудушка и вмешивается в течение жизни, то только словом, которое, впрочем, может быть весьма действенным. При этом он постоянно рассуждает о слове, речи, говорении, строит на метаязыковой и метадискурсной основе свои аргументы в споре. Отказав сыну Володеньке (в форме весьма софистической – см. пример далее) в финансовой помощи, он оказался виноват в его самоубийстве, отказывая в деньгах другому сыну, говорит в ответ на знаменательную реплику "Много у вас на языке слов" –

Постой, *попридержи* свои дерзости, дай мне досказать. Что это не одни слова – это я тебе сейчас докажу. Итак, я тебе давеча сказал: < > На дрянные дела у меня денег нет, нет и нет! И не будет – ты это знай! И не смей говорить, что это одни 'слова', а понимай, что эти слова очень близко граничат с делом (с 128, курсив здесь и далее мой – В.Л.)

Обобщая, можно сказать, что со стороны внешних условий дискурс Иудушки формируется "апофатически" – на основе неприятия, неучета, нежелания принимать в расчет реальную жизнь. Идеологически такая позиция обусловлена внутренним фактором (надо полагать, он, в свою очередь, сформирован социальной средой) – "болезненной жаждой стяжания" (с 585). Однако и сам повествователь не истолковывает "жажду стяжания" буквально. Порфирий Владимирович был жаден, но в то же время хлебосол, склонен к злобному фантазированию и потому нерасчетлив, "сам чаще всего терял от своей затейливости" (с 585). Другие внутренние стимулы, цели и интенции Иудушки, сформулированные повествователем, также нуждаются в анализе и уточнении.

Иудушка – не столько лицемер, сколько пакостник, лгун и пустослов, надо сказать, его приверженность ко лжи не очевидна, так как ложь в собственном смысле – осознанное и преднамеренное вербальное действие, а наш герой "лгал" самому себе, сам, впрочем, не понимая, лжет ли он или говорит правду" (с 184). Пустословие, празднословие, словоблудие, демагогия служат цели заставить собеседника отказаться от возражений, противоречий с тем, что говорит и чего хочет вербальный герой, и тем самым достичь некоммуникативного согласия.

В каждом конкретном случае его коммуникативная тактика может быть объяснена нарушением того или иного постулата общения Грайса.

⁵ Текст главы Выморочный цитируется как по журнальной редакции [Салтыков-Щедрин, указ. изд., т. 13: 565–599], так и по книжной [Там же: 201–227].

i. Нарушение постулата связности – "Не отклоняйся от темы" (племянница Аннинька аргументирует свой отказ от предложения дяди остаться у него жить):

– А то, что нечего мне здесь делать. Что у вас делать! Утром встать – чай пить, за чаем думать: вот завтракать подадут! за завтраком – вот обедать накрывать будут! за обедом – скоро ли опять чай? А потом ужинать и спать... умрешь у вас!

– И все, мой друг, так делают. Сперва чай пьют, потом кто привык завтракать – завтракают, а вот я не привык завтракать – и не завтракаю; потом обедают, потом вечерний чай пьют, а наконец, и спать ложатся. Что же! Кажется, в этом ни смешного, ни предосудительного нет! (с. 321).

Здесь Иудушка игнорирует презумпцию 'чай пить, завтракать, обедать и т.п. – это не дело'.

ii. Нарушение постулата истинности/искренности (Категория Качества) – "Старайся, чтобы твое высказывание было истинным":

– Я, папенька, казенные деньги проиграл... <...> Я проиграл три тысячи, – пояснил Петенька, – и ежели завтра их не внесу, то могут произойти очень неприятные для меня последствия.

– Что ж, внеси! – любезно молвил Порфирий Владимырьч (с. 289).

Здесь Иудушка вполне осознанно игнорирует пресуппозицию 'у меня нет денег', содержащуюся в реплике собеседника, отвечая косвенным речевым актом, в котором под видом согласия дает знать о том, что занимает позицию "вне проблемы".

Однако дискурс Иудушки как целое не может быть описан посредством указаний на несоблюдение постулатов Грайса. Тут было бы более уместно говорить о принципе некооперации, который, в частности, находит выражение в "стремлении уйти от ремо-предикативного аспекта беседы, т.е. от обмена новой, характеризующей информацией" [Николаева 1990: 226]. Но и такой подход вряд ли будет адекватен, потому что необходимо выйти за рамки прагматики высказывания – в дискурс и далее в текст, где создается дискурсный портрет Порфирия Владимырьча. В качестве ближайшей цели нужно найти общий принцип, управляющий каждым шагом вербального героя в диалоге (с какой целью он почти всегда стремится быть некооперативным собеседником?).

Из приведенных примеров, показательных для коммуникативного поведения Иудушки, видно, что он точно определяет область тематического единства с собеседником, стремясь затем расширить ее за счет игнорирования актуальной информации. Получается, что Порфирий Владимырьч всегда готов к согласию в некоммуникативном смысле, оказывается "настолько сильным, ... что бороться с таким человеком, который на все готов и на все согласен, совершенно нельзя" (с. 189).

Средством расширения тематического единства может быть самоинтерпретация, основанная на многозначности наряду с игнорированием презумпции: "Да ведь вы же позволили?" – говорит Петенька отцу, имея в виду женитьбу другого сына – Володеньки.

– Никогда я не позволяю! Он мне в то время написал: хочу, папа, жениться на Лидочке. Понимаешь: "хочу", а не "прошу позволения". Ну, и я ему ответил: коли *хочешь* жениться, так женись, я препятствовать не могу! <...> Я что сказал? я сказал: не могу препятствовать – только и всего. А позволяю или не позволяю – это другой вопрос. Он у меня позволения и не просил, он прямо написал: *хочу*, папа, жениться на Лидочке – ну, и я насчет позволения умолчал. *Хочешь* жениться – ну, и Христос с тобой! женись, мой друг, хоть на Лидочке, хоть на разлидочке – я препятствовать не могу! (с. 132–133).

Доведя аргументацию до достаточного расширения тематического единства, Иудушка констатирует наличие согласия – некоммуникативного, так как мнение собе-

седника его не интересует – и призывает к завершению коммуникации, нередко требует его.

Таким образом, он строит свой дискурс в соответствии с принципом, который можно было бы назвать "против противоречий", или "за тематическое единство", что, разумеется, не приводит к согласию в коммуникативном смысле.

Этим объясняется коммуникативная позиция Иудушки: он герой-адресант, который стремится всегда быть отправителем сообщений. Как и всякий отправитель, он "идеалист" в том смысле, что всегда идет от идеи, мысли, замысла к материи звучащей речи. Оказываясь в роли получателя (адресата), что неизбежно в диалоге, Порфирий Головлев вступает в противоречие со своей "коммуникативной судьбой". Отсюда его нежелание считаться с собеседником, следование принципу некооперации, стремление разрушить противоречия, которые необходимы для продления коммуникации. Причем можно трактовать коммуникацию в широком смысле – как коммуникацию с миром, жизнью. Последнее особенно опасно для Иудушки-идеалиста, ведь жизнь исполнена противоречий, и в отличие от других собеседников она практически всегда и коммуникативный лидер, и отправитель.

Иными словами, Иудушка – субъект монологический, поэтому его не особенно интересует реакция собеседника и эффект, оказываемый его дискурсом на получателя; в целом он стремится не столько убеждать в своей правоте, сколько доказывать ее, используя в качестве доводов отсылки к высшим инстанциям (Бог, вера, закон ...).

Конечная цель проведения в дискурсе принципа "против противоречий" и итог его всецело успешного применения – тотальное согласие. С другой стороны, идеология тотального согласия довлеет над всем дискурсом Иудушки, предопределяя его эволюцию – от диалогов с маменькой в начале романа, когда принцип "против противоречий" еще только складывается, до предпоследней главы "Выморочный", в которой абсолютное воплощение этого принципа влечет за собой наступление тотального согласия.

Обратим внимание на парадоксальность дискурса Порфирия Владимировича. Выступая против всяческих противоречий, он тем самым выступает против коммуникации средствами самой коммуникации, то есть нуждается в том, что отрицает. Иудушка – говорун и словоблуд, он словообилен, но его дискурс, подчиненный идеологии тотального согласия, неминуемо должен привести своего автора к молчанию как коммуникативно-семиотическому самоубийству. Кроме того, он постоянно подкидывает себе собеседника, точнее говоря, слушателя; хотя в диалоге стремится к монологу, по существу, строит монолог в форме диалога.

Отступление. Парадоксальность дискурса Порфирия Головлева напоминает коммуникативное поведение шизофреников. Ср. описание так называемой "шизофренической дилеммы": "Если наблюдать поведение больного шизофренией в латентный период, то создается впечатление, что он *пытается не общаться*. Но поскольку даже бессмыслица, молчание, неподвижность (молчание поз) или любая другая форма отказа сама по себе является коммуникацией, то больной шизофренией вынужден отрицать то, что его отказ является коммуникацией" [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 46]. Однако наш герой любит общение, каким бы своеобразным с его стороны оно ни было. Его патология имеет не клинический, а сугубо литературный характер. Поэтому дискурс Иудушки не отвечает данным классического анализа [Якобсон 1987] языковых, речевых и текстовых особенностей коммуникации шизофреника. Помрачение вербального героя – фрагмент его дискурсного портрета. Последний имеет черты сходства с коммуникативно-семиотической спецификой русского литературного сумасшедшего. Так, интересно пристрастие Иудушки к цифре и счету (ср. в этой связи с Поприщиным из "Записок сумасшедшего", Германном из "Пиковой дамы" или Теглевым из рассказа И.С. Тургенева "Стук, стук, стук").

Цифра, знак числа, в значительной мере асемантична, счет – самоверифицируем, и вместе они независимы от противоречий реального мира. Между тем практическая деятельность требует числа и расчета. Иудушка в своем внутреннем дискурсе имитирует целесообразную реальную работу посредством постоянных вычислений, которые по мере утверждения прин-

ципа против противоречий приобретают самоценность и обесмысливаются Мало-помалу начинается целая оргия цифр Весь мир застилается в глазах Иудушки словно дымкой, с лихорадочною торопливостью переходит он от счетов к бумаге, от бумаги к счетам Цифры растут, растут " (с 600) Всеобщая вера в 'истину' числа и счета при нерепрезентативности цифры относительно реального мира используются Порфирием Владимировичем как аргумент в споре и как средство для расширения тематического единства

'– На-тко, брат, смотри, что вышло! – показывает Иудушка воображаемому Илье какую-то совсем неслыханную цифру

– Что-то как будто уж и многовато! – говорит он < >

– Чудак, братец, ты! Это уж не я, а цифра говорит Наука, братец, такая есть, арифметической называется уж она, брат, не солжет!" (с 591) "Цифра – святое дело, она уж не солжет!" (с 595)

Противопоставление лжи и цифры не случайно Расширение тематического единства всегда приводит в соответствие слова Иудушки с тем, о чем он говорит Возникает иллюзия истины как тривиального согласия с моралью, высшими ценностями, традицией Частная цель Иудушки в диалоге состоит в том, чтобы подвести отстаиваемый тезис под банальную истину (например, истину цифры и счета) Тогда ложью оказывается то, что противоречит общепринятым ценностям, значит, и точке зрения Порфирия Владимировича, поэтому вербальный герой не приемлет лжи 'Я только по справедливости сужу что правда, то правда – терпеть не могу лжи! с правдой родился, с правдой жил, с правдой и умру! И всегда скажу правду, хоть, может быть, она и не для всех приятна! Правду и бог любит, да и нам велит говорить" (с 595)

Эти и другие свойства дискурса Иудушки иллюстрируются далее частными принципами (по большей части относящимися к идеологии героя), которые призваны обеспечить дискурсу параметры, оптимальные для достижения тотального согласия В силу того, что все приводимые ниже принципы не что иное, как черты дискурсивного портрета героя, каждый из них представлен формулировкой из метадискурса повествователя

Принцип противодействия, или *Дискурс против мира*

Что бы ни случилось, Иудушка уже *ко всему* готов заранее Он знает, что *ничто* не заставит его врасплох и *ничто* не заставит его сделать какое-нибудь отступление от той сети пустых и насквозь прогнивших афоризмов, в которую он закутался с головы до ног Для него не существует ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви Весь мир в его глазах есть гроб, могущий служить лишь поводом для бесконечного пустословия (с 119)

Поскольку столкновения с жизнью неизбежны, необходимо средство для нейтрализации противоречий, то есть для расширения тематического единства. Это средство – пустословие Его механизм в общем случае таков актуальная информация, несущая угрозу противоречий, подводится под более общее и тривиальное понятие, а затем подменяется таким понятием, вследствие чего утрачивается основание для противопоставления Иудушка всегда держал наготове множество подобных пустых абстракций (содержание всякой абстракции, как известно, стремится к "нулю", за счет чего его объем увеличивается вплоть до некоторой универсальной совокупности), хранящихся в его памяти в форме прецедентных текстов

Нет сомнения, что с Петенькой случилось что-то недоброе, но, что бы ни случилось, он, Порфирий Головлев, должен быть выше этих случайностей Сам запутался – сам и распутывайся, умел кашу варить – умей ее и расхлебывать, любишь кататься – люби и саночки возить Именно так, именно это самое он и скажет завтра, о чем бы ни сообщил ему сын (с 120)

Это позволяет Иудушке пребывать в постоянной готовности выступить против любых противоречий "Ну, ладно Только я, брат, говорю прямо никогда я не обдумываю. У меня всегда ответ готов < ..> У меня брат вывертов нет! Я весь тут, на ладони" (с 126)

В диалоге с таким трудным собеседником, как реальный мир, все намного сложнее. Когда стало известно о беременности от Порфирия Владимыча прислуживающей ему девки Евпраксеюшки, Иудушка "понял, что отныне расчеты на счастливое соединение роли прелюбодея с ролью постороннего наблюдателя результатов собственного прелюбодеяния окончательно рухнули для него" (с 343–344). То есть он столкнулся с явным противоречием, для выхода из которого прибегает к аналогу пустословия – пустомыслию:

Пустомыслие сослужило и тут свою обычную службу, и Иудушке в конце концов удалось-таки, с помощью невероятных усилий, утопить представление о "беде" в бездне праздных слов. Нельзя сказать, чтобы он сознательно на что-нибудь решился, но как-то сама собой вдруг вспомнилась старая, излюбленная формула: "Ничего я не знаю! ничего я не позволяю и ничего не разрешаю!" < > Теперь он уж смотрел на предстоящие роды как на дело, до него не относящееся < > Он почти игнорировал Евпраксеюшку и даже не называл ее по имени, а ежели случалось иногда спросить об ней, то выражался так: "А что *та* все еще больна?" (с 189)

На этот раз повествователем описывается не сам дискурс, а "внутренняя речь" Иудушки и одновременно замысел и механизм будущей коммуникативной тактики. Идеология остается прежней – тотальное согласие в ситуации с Евпраксеюшкой Порфирий Владимыч "оказался настолько сильным, что даже Улитушка поняла, что бороться с таким человеком, который на все готов и на все согласен, – совершенно нельзя" (с. 189). Что касается собственно дискурса, то для осуществления принципа "против противоречий" он приобретает следующие свойства.

Отсутствие глобальной связности – свойство, необходимое для постоянной готовности устранить любое тематическое единство, то есть разрушить какое бы то ни было основание для противопоставления. Отсутствие глобальной связности характеризует как этап замысла, коммуникативной готовности, так и реализацию дискурса. В случае оппозитивного диалога (спора) коммуникативная готовность предполагает максимум аморфности:

Чует он, что приезд сына предвещает что-то не совсем обыкновенное, и уже заранее в голове его зарождаются всевозможные пустословные поучения. Поучения эти имеют то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляют собой последовательного сцепления мыслей. Ни грамматической, ни синтаксической формы для них тоже не требуется: они накапливаются в голове в виде отрывочных афоризмов и появляются на свет Божий по мере того, как наползают на язык (с 119)

Вместе с тем сам дискурс Иудушки-спорщика выстроен весьма последовательно (Иудушка выходит несомненным победителем во всех спорах), поскольку он всегда преследует одну и ту же идеологическую цель, для достижения которой сознательно пренебрегает единством обсуждаемой темы, лжет, пустословит, то есть лишает свой дискурс и диалог в целом глобальной связности (наиболее полно все эти черты коммуникативного поведения Порфирия Владимыча переданы в споре с сыном Пенькой, см. конец главы "Семейные итоги")

В бесконфликтных бытовых беседах, где противоречия не возникают, отсутствие глобальной связности является следствием фатической коммуникации, а с другой стороны, это необходимо для предотвращения внезапных или случайных противоречий, ср. о беседах Иудушки с "милым другом маменькой"

Собравшись вместе, они с утра до вечера говорили и не могли наговориться. Говорили обо всем.

Эти разговоры имели то преимущество, что текли, как вода, и без труда забывались, следовательно, их можно было возобновлять без конца с таким же интересом, как будто они только сейчас в первый раз пущены в ход (с 106)

Неинформативность следует из отсутствия глобальной связности, несовместимой с выполнением коммуникативной функции (см. выше пример на нарушение постулата информативности). Неинформативность как объективное свойство дискурса Иудушки воспринимается и оценивается его собеседниками всегда отрицательно.

С одной стороны, это – страх как результат воздействия дискурса: "Страшно, – подытоживает Аннинька, – когда человек говорит и не знаешь, зачем он говорит, что говорит и кончит ли когда-нибудь" (с. 162). С другой, – вербальная тирания как способ, "манера" ведения диалога:

- Что так? неужто дядя так страшен?
- Не очень страшен, а тиранит, слов не жалеет. Словами-то он сгноить человека может (с. 174).

Таким образом, отсутствие глобальной связности вызывает неинформативность, вместе они лишают слушателя каких-либо ориентиров (оппозиций), вызывая страх перед тотальным согласием как отсутствием противоречий, неким *ничто*, противоположным жизни. Ср.:

... Порфирий Владимирович, как только встретит живого человека, так тотчас же начинает опутывать его целою сетью тягучих словесных обрывков, в которых не за что уцепиться невозможно, но от которых делается невыносимо скучно, почти тяжело... (с. 567).

Принцип изоляции, или Дискурс без реальности

Едва начинал он "соображать", как целая масса пустяков обступала его со всех сторон и закрывала для мысли всякий просвет на действительную жизнь. Лень какая-то обуяла его, общая, умственная и нравственная анемия. Так и тянуло его прочь от действительной жизни на мягкое ложе призраков, которые он мог переставлять с места на место, одни пропускать, другие выдвигать, словом, распоряжаться, как ему хочется (с. 577).

Казалось, всякое общение с действительной жизнью прекратилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видеть – вот чего он желал (с. 584).

Принцип изоляции дополняет принцип противодействия: когда опасность вторжения реального мира становится слишком велика, ее следует избежать, максимально ограничив контакты с миром. Стремление к изоляции с целью избежать противоречий и достичь тотального согласия нарастает от начала романа, достигая своего апогея в конце главы "Выморочный". Сначала изоляция в Головлеве от остального мира, потом, со смертью "маменьки" – "последнее живое существо, с которым он мог делить прах, наполнявший его", – изоляция от живого слушателя, затем, с уездом племянницы Анниньки, "порвалась всякая связь с миром живых", наконец, осознанное стремление к тотальной изоляции как к условию устранения всех возможных адресантов-конкурентов:

Порфирий Владимирович был счастлив. Он плотно запирает окна и двери, чтобы не слышать, спускал шторы, чтобы не видеть. Все обычные жизненные отправления, которые прямо не соприкасались с миром его фантазии, он делал на скорую руку, почти с отвращением (с. 587).

Принцип замещения, или Дискурс как мир вместо мира

Ничем не ограничиваемое воображение создает мнимую действительность, которая, вследствие постоянного возбуждения умственных сил, претворяется в конкретную, почти осязаемую (с. 587). Существование его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь мир был у его ног, разумеется, тот немудреный мир, который был

доступен его скудному созерцанию. Фантазия, отвернувшись от действительности, питала себя сама, самостоятельно создавая новые и новые основы для своих полетов (с. 587).

Данный принцип – компенсация предыдущего и дополнение к нему: Иудушка, желая восполнить отсутствие неугодных ему реального мира и реальных собеседников, создает "возможный мир" собственного дискурса.

Запершись в кабинете и засевши за письменный стол, он с утра до вечера изнывал над фантастической работой: строил всевозможные несбыточные предположения, учитывал самого себя, разговаривал с воображаемыми собеседниками и создавал целые сцены, в которых первая случайно взбредшая на ум личность являлась действующим лицом (с. 585).

Коммуникативное пространство дискурса сужается, перемещаясь во внутреннее ментальное пространство вербального героя. Он устраняется от реальных собеседников, вследствие чего дискурс утрачивает все физиологические параметры, становится беззвучным и отделяется молчанием внешнего мира:

– Неужто и на бобах разводить перестал?

– Нынче они, барышня, молчат. Все говорили и вдруг замолчали. Слышим иногда, как промещу себя в кабинете что-то разговаривают и даже смеются будто, а выдут в комнаты – и опять замолчат (с. 230).

Возможный мир дискурса, замещающий мир реальный, характеризуется отсутствием противоречий и вседозволенностью для его автора:

Теперь эти свойства [сообщает повествователь, имея в виду свойства Иудушкиного дискурса до замещения им реального мира. – В.Л.] всецело перенесли на отвлеченную, фантастическую почву, где уже не имелось места ни для отпора, ни для оправданий, где не было ни сильных, ни слабых, где не существовало ни полиции, ни мировых судов (или, лучше сказать, существовали, но единственно в видах ограждения его, Иудушкиных, интересов) и где, следовательно, он мог свободно опутывать целый мир сетью кляуз, притеснений и обид (с. 585).

Впрочем, и здесь Иудушка по инерции, приобретенной им в общении с реальными адресатами, создает мнимые противоречия в мнимых диалогах, однако опять-таки для достижения своего полного и победоносного согласия – тоже мнимого. Мнимость его в том, что он воображает того или иного собеседника, заранее предопределяя результат диалога – согласие. Тем самым Иудушка сводит коммуникацию к безголосому ритуалу, в центре которого – саморасширяющееся тематическое единство. Диалог и вообще обмен информацией прекращается, наступает тотальное согласие.

* * *

Если определять Иудушку как вербального героя, судьба которого неотделима от его коммуникативной стратегии, то надо признать, что полное осуществление идеологии тотального согласия, управляющей коммуникативной стратегией вербального героя, означает его смерть: противоречий больше нет, принцип "против противоречия" исчерпан, коммуникация отсутствует.

Как вербальный герой Порфирий Головлев умирает в предпоследней главе "Выморочный" романа "Господа Головлевы". Его физическая смерть описана в последней главе "Расчет"⁶. Не имея в виду дать интерпретацию целого текста, мы не пред-

⁶ Немаловажно то обстоятельство, что сначала Салтыков-Щедрин публиковал в "Отечественных записках" отдельные рассказы о Головлевах, которые позже объединил в единый текст романа.

полагаем также и "раскрытие образа" Иудушки. В то же время дискурсный портрет вербального героя оказывается полностью завершенным именно в главе "Выморочный"; об этом свидетельствует и само ее заглавие, и весь текст главы.

Выморочный, по Далю, современнику Салтыкова-Щедрина, – 'вымерший', 'умерший без наследников' – от *вымаривать*, *выморить* – 'маять, истомить', 'гнестя невыносимо'; *выморочный* тесно связано с семантикой тьмы и сумасшествия: *мрак*, *морок* – 'мрак' и 'умопомрачение'; *выморочный* имеет также речевую семантику в силу близости к *морочить* – 'обманывать', 'запутывать' и одновременно *морочить* – 'померкаться', 'темнеть'.

В тексте главы пространство действия, изначально ограниченное локусом головлевской усадьбы, сужается до кабинета Иудушки; реальное коммуникативное пространство свертывается до автокоммуникативного и ментального. Оба этих изолированных пространства пусты. Само ключевое слово *выморочный* приобретает смысл 'пустой': "Покуда в головлевском доме было людно – он, конечно, предпочитал празднословие...; но ежели празднословить будет не с кем и не для кого, то он не отступит перед полной выморочностью, потому что и ее он найдет средство населить призраками своего праздномыслия" (с. 566). Выморочность как внутренняя пустота – определяющая характеристика Порфирия Владимыча: "Как в сфере мысли он был пустословом, в сфере религии – пустосвятом, в сфере домашнего обихода – пустодомом, так в сфере семейных отношений явился пустоутробным" (с. 569). Пустота – одно из следствий смерти – "Все вокруг него опустело: одни перемерли, другие ушли" (с. 566) – и стремления к изоляции, в частности, нежелания видеть реальность, вступать с ней в диалог: "целая масса пустяков обступала его со всех сторон и закрывала для мысли всякий просвет на действительную жизнь" (с. 577); "спускал шторы, чтобы не видеть" (с. 587); "никого бы не видеть – вот чего он желал" (с. 584). Нежелание видеть сочетается с желанием стать невидимым – для общения с иным, невидимым миром, населенным мертвецами: "Он представляет себя невидимкою и в этом виде инспектирует свои владения, в сопровождении старого Ильи, который еще при папеньке, Владимире Михайловиче, старостой служил и давным-давно на кладбище схоронен" (с. 589). Глава заканчивается введением в текст множества адресатов-мертвецов, с которыми Иудушка интенсивно общается в своем дискурсе-как-мире. Отсюда обилие обозначений болезни и смерти: (*организм*) *изнашивается и сгорает, страдательное разложение, агония, порча, (источал из себя) массы словесного гноя, анемия, недуг, страдал болезнью, болезненная жажда стяжания, перемерли, прах, помертвел, все вымерло, на кладбище схоронен, мертвый, покойник, покойница, из могилы явилась*.

3

ПРОТИВОРЕЧИЕ И СОГЛАСИЕ В ИХ ОТНОШЕНИИ К СВЯЗНОСТИ, ЦЕЛЬНОСТИ И СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Коль скоро языковые концепты ПРОТИВОРЕЧИЯ и СОГЛАСИЯ значимы для дискурса, языка в действии, они должны получить отражение в свойствах текста – готовом результате дискурсивной практики.

Концепт СОГЛАСИЯ – единство или тождество позиций абстрактно понимаемых собеседников (актантов) относительно обсуждаемой в диалоге (также в широком смысле) темы – соотносится с содержанием терминов *согласование*, *когезия*, *изотония*. Все они предполагают сходство или тождество повторяющихся в тексте (чаще – в синтагме) граммем, смыслов, сем. Данные виды связности относятся к локальным, они тяготеют к линейности, в значительной мере обусловлены не текстовым, а языковым кодом и безразличны к типологической специфике текста.

При переходе к цельности и глобальной связности (когерентности), лежащей в основе структуры художественного текста, повышается значимость ПРОТИВОРЕЧИЯ.

С одной стороны, это противоречия в изображаемом, в референтной области текста. Они замечаются получателем, потому что формально удовлетворяют определению противоречия в логическом смысле. Однако нереферентность художественного текста относительно внешней для него действительности, автореферентность его отдельных знаков и авторефлексивность текста как целого вместе создают предпосылки для реабилитации противоречий в изображаемом. Логические оценки здесь не всегда адекватны, ср. известный тезис о нерелевантности истины и лжи в возможном мире художественного текста. Противоречие остается самим собой, но расценивается не как ошибка или недостаток, что характерно для позиции получателя нехудожественного текста, а как самоценный эстетический факт. Используя иконическую для данной темы формулировку, можно сказать, что противоречие – это не противоречие:

Художественное противоречие, восхищающее вкус верный и изысканный, вовсе не есть противоречие, но особенный путь души достигать красоты. Когда ребенок, захваченный глубоким чувством, лепечет своей матери: "Я люблю тебя больше всех на свете", а отец, услышав его лепет, спросит: "А меня?" – ребенок, не колеблясь, ответит: "И тебя больше всех на свете". Эти божески верные слова покажутся противоречием лишь тому, кто тусклыми своими глазами не умеет читать слова человеческие и божеские [К. Бальмонт. "Русский язык (Воля как основа творчества)"].

Это не касается тех фрагментов художественного текста, которые сохраняют референтную связь с реальностью. Несоответствие фактам в той части исторического романа, в какой он является историческим, логические упущения в сюжете детективного романа и т.п. – все это противоречия как они есть. Поэтому Пушкин считает возможным говорить о соединении несоединимого в некоторых стихах К.Н. Батюшкова *Это все друг другу слишком уж противоречит*. Кроме того, текст может быть просто плохим, небрежным, но художественным (это, по Ц. Тодорову, не может быть причиной для отнесения его к какому-либо другому типу текстов)⁷.

С другой стороны, противоречие как форма и принцип организации плана содержания текста может выполнять функцию его глобальной связности. Здесь интересен пример предельно малых текстов, в которых локальная связность (vs. СОГЛАСИЕ) и глобальная (vs. ПРОТИВОРЕЧИЕ) совпадают. Так, в метафоре и метафорическом высказывании, если их рассматривать в качестве текста⁸, "можно видеть сокращенное сравнение, но в нем можно видеть и сокращенное противопоставление" [Арутюнова 1998: 382]. Основание для сравнения то же, что и для противопоставления. Например, в метафоре *спор – это война*, в сравнении *спор – это как война* и в метафорическом высказывании с восстановленным отрицанием *это не спор, а война* таким основанием является смысл 'агрессивное противостояние собеседников'. Сопоставляемые по общему основанию объекты не обязательно противоположны (спор и война не противоположны), но "образцовая" метафора, по выражению Х. Вайнриха, преддицирует противоречие; ср. приведенные выше примеры *громогласное, гулкое, оглушительное молчание*. Противоречие как принцип организации метафоры оказывается модельным для строения художественного текста: «Чем дальше отстоят друг от друга противопоставляемые разряды объектов, тем ярче "метафорический сюрприз" от их контакта. Соположение далекого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи и еще одна причина родства метафоры с поэзией»

⁷ Типичный пример: "Рядом с водителем, напряженно всматриваясь в дорогу, сидит мужчина лет тридцати, с тонкими, скорее даже острыми чертами лица. Прядь волос падает на лоб, скрывая беловатую черточку шрама под виском. Его глаза закрыты, но он не спит" (В. Угрюмов "Уходя – гасите всех! Роман").

⁸ Метафора, по Ю.М. Лотману, – это текст, а художественный текст, в плане содержания всегда неаддитивный, стремится стать "одним большим словом", которое в идеале – троп [Лотман 1996: 63–65].

[Арутюнова 1998 383] Логично поэтому, что Ю М Лотман, обосновав связь "метафора – это текст, текст – это метафора", объявляет противоречие и "со-противление" общим принципом связи частей художественного текста

Таким образом, СОГЛАСИЕ ассоциируется с линейными и локальными пространствами текстов всех типов; ПРОТИВОРЕЧИЕ – со всем нелинейным семантическим пространством художественного текста, будучи специфичным для конституирования структуры именно этого типа текстов. Вместе СОГЛАСИЕ и ПРОТИВОРЕЧИЕ получают отражение в плане содержания и в плане выражения любого художественного текста – устного и письменного, диалогического и монологического, современного и архаического

О последнем пишет О М Фрейденберг. Логос говорит деревьями, землей, птицами, животными, водой, людьми, вещами. Форма этого 'разговора' – борьба < >. Одна сторона спрашивает другую, другая отвечает, одна отрицает, другая говорит утвердительно, одна сторона обращается, другая внимает. Необходимо усвоить нам, людям современного века, что и слушание есть активное действие, есть акт. Одна сторона произносит, обращается, другая слушает, внимает, молчит, но составляет часть общего акта поединка, соучаствует в нем, ритмически это соответствует паузе, а на сочетании звука и паузы покоится единица ритма' [Фрейденберг 1978 57–58]

Приоритетное положение ПРОТИВОРЕЧИЯ осознавалось как авторами, так и исследователями художественного текста. Еще немецкие романтики в XIX веке говорили о противоречии в произведении искусства как "самой совершенной согласованности" (К -В -Ф Зольгер). В XX веке противоречие рассматривается как принцип связности произведения и текста (Б Кроче, В Шкловский, О Фрейденберг и др.). Причем это положение относится к художественному тексту в широком (семиотическом) смысле, то есть не только к вербальному. В этом плане показательна разработанная С Эйзенштейном в тридцатых годах концепция монтажа кинотекста (с современных позиций – глобальной и локальной связности кинотекста). В ее основу положен "принцип конфликта" ("монтаж – это конфликт"), который, по Эйзенштейну, имеет универсальный характер – "основа всякого искусства всегда конфликт" [Эйзенштейн 1964 290]. Развивая принцип конфликта, В И Пудовкин отмечает своего рода конверсию *monter* (фр.) 'строить, собирать' и *cut* (англ.) 'резать' в обозначении связности кинотекста. "Искусство соединять отдельные, снятые куски так, чтобы зритель в результате получил впечатление целого, непрерывного, продолжающегося движения, мы привыкли называть монтажом. Англичане называют его проще и грубее – *cutting*, то есть резка" [Пудовкин 1974а 168]. Связность кинотекста основана с позиции отправителя-автора на совмещении 'соединения' и 'разрезания'. "Метод раздела и соединения, развиваемый техническими возможностями кинематографа до высоких форм совершенства, мы и называем киномонтажом" [Там же 177]. Можно сказать, что с точки зрения автора монтаж – это связность, монтаж (связность) есть конфликт с позиции наблюдателя, конфликт и противоречие – имманентное свойство организации художественного текста с позиции получателя-наблюдателя, исследователя (которую и занимают Эйзенштейн и Пудовкин, размышляя о принципе конфликта). Причем противоречие не является тотальным, а носит градуальный характер. "Прямое столкновение есть такой же частный случай, как и последовательное сцепление, катящееся по одному направлению. Между этими двумя полюсами лежат тысячи других, промежуточных форм конфликта, двух или нескольких сходящихся направлений" [Пудовкин 1974б 147].

Концепт ПРОТИВОРЕЧИЯ обнаруживает свойство коммуникативной и текстовой ценности, того, благодаря чему (в ряду других факторов) поддерживается коммуникация и конституируется текст. Концепт СОГЛАСИЯ тяготеет к соотносительности со служебными видами организации текста, он более значим не для процесса коммуни-

кации, а для его результата согласие – то, к чему стремятся, что может быть итогом речевого общения, является условием сотрудничества, сосуществования

С этой точки зрения принцип кооперации Грайса нужно расценивать как одну из форм согласия, поскольку он предполагает "совместно принятую цель (направление) диалога" [Грайс 1985 222] Однако этот принцип фиксирует "лучшее намерение" участников речевого общения В ходе коммуникации принцип кооперации, как известно, в той или иной мере нарушается "Понимание не означает согласия Смысловая ценность коммуникации связана с мерой этого согласия" [Жинкин 1982 87] А это предполагает – с мерой ПРОТИВОРЕЧИЯ во всем многообразии смыслов, стоящих за данным концептом Поэтому реальность процесса речевого общения или, по крайней мере, один из важнейших аспектов этого процесса получает отражение в принципе "негативной кооперации" Т Котарбинского "Случай взаимного объективного, а вместе с тем и сознательного препятствования мы считаем наиболее интересным потому, что при этом обе стороны взаимно вынуждаются к преодолению трудностей в особенно интенсивной форме и, следовательно, косвенно принуждаются к совершенствованию техники действий" [Котарбинский 1975 206]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1999 – Н Д Арутюнова Язык и мир человека М , 1999
Арутюнова 2000а – Н Д Арутюнова Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке М , 2000
Арутюнова 2000б – Н Д Арутюнова Феномен молчания // Язык о языке М , 2000
Берковиц 2001 – Л Берковиц Агрессия причины, последствия и контроль СПб , 2001
Вацлавик, Бивин, Джексон 2000 – П Вацлавик Д Бивин, Д Джексон Прагматика человеческих коммуникаций Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия М , 2000
Гийом 1992 – Г Гийом Принципы теоретической лингвистики М , 1992
Грайс 1985 – Г П Грайс Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике Вып XVI М , 1985
Жинкин 1982 – Н И Жинкин Речь как проводник информации М , 1982
Котарбинский 1975 – Т Котарбинский Трактат о хорошей работе М , 1975
Лоренц 1994 – К Лоренц Агрессия (так называемое зло) М , 1994
Лотман 1996 – Ю М Лотман Риторика – механизм смыслопорождения // Ю М Лотман Внутри мыслящих миров Человек–текст–семиосфера–история М , 1996
Лукин 1996 – В А Лукин Слово противоречие, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь Грамматика Текст М 1996
Макеева 2000 – И И Макеева Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке М , 2000
Невская 1999 – Л Г Невская Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян М , 1999
Николаева 1990 – Т М Николаева О принципе некооперации и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка Противоречивость и аномальность текста М , 1990
Пудовкин 1974а – В И Пудовкин О монтаже // В И Пудовкин Собр соч в 3 тт Т 1 М , 1974
Пудовкин 1974б – В И Пудовкин Творчество кинорежиссера // В И Пудовкин Собр соч в 3 тт Т 1 М , 1974
РАС I 1994 – Русский ассоциативный словарь / Ю Н Караулов, Ю А Сорокин, Е Ф Тарасов Н В Уфимцева, Г А Черкасова Кн 1 М , 1994
РАС III 1996 – Русский ассоциативный словарь / Ю Н Караулов, Ю А Сорокин, Е Ф Тарасов, Н В Уфимцева, Г А Черкасова Кн 3 М , 1996
Фрейденберг 1978 – О М Фрейденберг Введение в теорию античного фольклора Лекции // О М Фрейденберг Миф и литература древности М , 1978
Эйзенштейн 1964 – С М Эйзенштейн За кадром // С М Эйзенштейн Избр произведения в 6 тт Т 2 М 1964
Якобсон 1987 – Р Якобсон Взгляд на Вид Гельдерлина // Р Якобсон Работы по поэтике М , 1987